

Спецвыпуск

книжной серии

«Современники и классики». Выпуск 3

Московская литературная премия

Современники и классики

Коллектив авторов

**Спецвыпуск книжной
серии «Современники
и классики». Выпуск 3**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Коллектив авторов

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики».
Выпуск 3 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-00153-137-1

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики». Авторы сборника являются номинантами Московской литературной премии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-137-1

© Коллектив авторов, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Гаджимурад Гасанов	6
Музыка заката дня	8
Ярость: противостояние	13
Сергей Сорока	19
Двести двадцать лет	21
Нечист	23
Твердеет река	24
Было так	25
Под завесой	26
По ранжиру	27
Перегрелся ствол	28
Фонари блестят	30
В овертайме	31
Помним голос	32
Не отступай	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Коллектив авторов
Спецвыпуск книжной серии
«Современники и классики». Выпуск 3
© Интернациональный Союз писателей, 2019

Гаджимурад Гасанов

Гасанов Гаджимурад Рамазанович родился в с. Караг Табасаранского района Республики Дагестан. Закончил филологический факультет Дагестанского государственного университета. В районной газете работал корреспондентом, заведующим отделом, заместителем главного редактора, редактором районной газеты. С 1905 по 2017 годы работал главным редактором ГБУ РД «Редакция республиканской газеты «Зори Табасарана».

Является автором сборников рассказов и повестей на табасаранском языке: «Зайнаб» (1992), «След рыси» (1996), «Петля судьбы» (2008), изданных Дагестанским книжным издательством.

В 2016 году издательством «Написано пером» (г. Санкт-Петербург) выпущен сборник рассказов и повестей «Зайнаб». В 2017 году в издательстве «Интернациональный Союз писателей» (г. Москва) вышел двухтомник «Млечный путь Зайнаб. Зарра» из серии «Современники и классики». В том же году в СУПЕР Издательстве (г. Санкт-Петербург) появился третий том сборника рассказов и повестей «Млечный путь Зайнаб. Шах-Зада». Произведения переведены на болгарский, английский языки. Печатается в журналах «Российский колокол», «Золотые пески Болгарии». В Ялте на конкурсе «ЯЛОС-2017» за книгу «Зайнаб» присуждено третье место в номинации «Проза» с присвоением звания «Лучший писатель года».

За книги «Млечный путь Зайнаб. Зарра» (в двух томах), «Млечный путь Зайнаб. Шах-Зада» (третий том) награждён медалью-премией А. С. Пушкина от Интернационального Союза писателей (ИСП). В 2017 году в рамках проектов ИСП номинирован на получение премии В. Набокова, а также пяти престижных премий в области литературы, за выдающиеся заслуги в области литературы стал соискателем Московской премии по итогам года.

Является заслуженным работником культуры Республики Дагестан, членом Союза журналистов РФ, членом ИСП, награждён почётными грамотами, дипломами Республики Дагестан и Российской Федерации, Союза журналистов России.

Музыка заката дня

Рассказ

Время клонилось к закату. На западе, над горящим небесным пурпуром, висели фиолетово-сиреневые облака, разношёрстными пластами растягивающиеся от середины кроваво-алого сгустка. От тех пластов, окрашенных смешанными красками: красным, золотым, зелёным, оранжевым – к центру небосклона в сизых, бело-пушистых тонах лёгкой вуалью укладывались перисто-кучевые облака, гонимые воздушными потоками от запада к северу. Оранжевые, кроваво-белые перины над западным горизонтом нависали огромными огнями, ярко горящими, курящимися сизым дымком. На небосклоне они гигантскими слоями, клубами надвигались друг на друга в плазме угасающего дня.

Солнце висело над Джуфудагом, краем касаясь его ледяной шляпы, за пики которой заползали огромные караваны разноцветных облаков. Все шапки холмов, тянущихся над горизонтом с юга на север, утопали в пламени заката, догорающего на западе. Горизонт, исчезающий в вечернем мареве, засыпал в огнях угасающего дня. От такого обилия красок, играющих на закате уходящего на покой дня, у Шерхана перехватывало дыхание.

К наступлению сумерек в ущельях, разломах гор бело-пушистый туман стал густеть, приобретая черты расплавленного свинца. Над хребтом со свистом задышал прохладный ветер. Он, усиливаясь, перемещивался с тёплым туманом, настоящим парами влаги. Тяжелея, превращался в вязкую свинцовую массу, неся в себе меркнушему дню ещё угрозу надвигающейся бури. Расплавленное свинцово-плазменное месиво, вбирая в себе краски вечерней зари, грузно поднимаясь, облепляло вершины гор, хребты холмов. Настоянный на горячих и холодных парах туман, выползающий из ущелий, перекатываясь с одной высоты на другую, плотоядно тянулся к грозовой буре, жадно облизывал на лету гребни горных вершин, тучнея, наливаясь влагой.

Солнце, перед тем как скрыться за расплавленным свинцово-плазменным месивом, грозно разлэгшимся на самом вершине гор, вдвое увеличилось, превращаясь над гребнем в огромный кровавый диск. Светило на мгновение кровавым сгустком, заполненным красным расплавленным золотом, зависло в тумане, а потом исчезло в бездонном чреве заката.

Ветер, усиливаясь, выворачивал из головокругительных расщелин Джуфудага тёплые слои тумана. Поток воздуха прогонял их на вершины, сталкивая со свинцово-плазменными чудовищами, несущими весть о надвигающейся грозе. Свинцовые тучи, ступаясь, объединяя в могучие караваны свои гребнистые головы, свисали с вершин горных хребтов, стремительно спускаясь на альпийские луга, огромными щупальцами заполняя в берёзовые рощи, ущелья, рукава реки Рубас...

* * *

К наступлению сумерек под козырьком горного хребта, напротив волчьего логова, Шерхан удобно улёгся в засаде на плотном настиле из травы, папоротника, пахнущего дурманом. Сумерки, начиная с запада, своим тёмным полотном плотно окутывали горные вершины, хребты, рощицы.

Неожиданно из осиновой рощи Уршарик до Шерхана донеслось одинокое волчье завывание: «Оооууу! Ааа-ууу... Ааа-ууу...» Волк сначала завыл неуверенно, простуженно, словно задыхаясь, срываясь с привычного тембра в кашель. Его голос ломался, не налаживался в нужное звучание и тон. Иногда вой, заглушаемый встречным ветром, до ушей Шерхана доносился как из подземелья. Но, приспособившись к скорости движения ветра, со временем стал при-

обретать должный характер, уверенность. Неожиданно, словно он чем-то маслянистым прополоскал горло, голос волка зазвучал так громко, мелодично, с дикой хрипотцой, натиском, что Шерхан окаменел. В этом случае даже неопытный человек, оказавшийся на месте Шерхана, безошибочно определил бы, что эту песню затеял доминантный волк – главарь волчьей стаи. Шерхан затаил дыхание под воздействием этого гипнотического завывания. На мгновение почудилось, что вместе с ним перед натиском волчьего воя замороженно застыли и горные вершины. Волк выл непрерывающимся голосом, словно какие-то внешние силы мехами в лёгкие закачивали воздух. Казалось, этому не будет конца. Видимо, доминантный волк рассчитывал на то, что доминантная волчица его услышит и сразу поддержит ответным завыванием.

Бике, доминантная волчица, как королева волчьей стаи, обязана была отозваться, подать голос своему королю. Но она почему-то не отвечала, будто не хотела показать место своего нахождения. Это молчание говорило о том, возможно, король и королева волчьей стаи находятся в ссоре. Королева не прощает обиды королю и не желает с ним мириться.

Неожиданно в глубине рощи, нарушая иерархическую соподчинённость, один из волчат в ответ королю пискляво завыл, не удерживая тональность голоса. Но кто-то из братьев, стоящих выше него на иерархической лестнице, укусив, быстро заставил его умолкнуть. Волчонок больно завизжал, оглашая лес трусливыми жалобами.

Воцарилась неприятная тишина, от которой в ожидании продолжения волчьего воя у Шерхана на спине рубашка прилипла к телу. Ему показалось это состояние бесконечным. И вся окружающая природа: горы, долины рек, лесные массивы – приутихла в предчувствии этого магического завывания, в предвкушении чего-то важного, непредсказуемого, необратимого.

Вдруг на грани срыва ожидания с противоположной стороны рощи тишину леса прорезал голос королевы стаи – сильный, мелодичный, протяжно давящий. Судя по тембру, он не был похож ни на примирительное завывание в ответ королю стаи, ни на голос матери, заботящейся о детёнышах. Это была и не тоска обиженной, страждущей королевы, и не звук тревоги, предупреждающий стаю об опасности, ходящей рядом с ней. Это было похоже на какой-то сигнал от королевы, находящейся со свитой на одном из лежбищ своего королевства.

Свой зовущий голос ещё раз подал вожак стаи, а потом затаился прислушиваясь.

Спустя какое-то время ему ответно завыла королева. Судя по смягчившемуся голосу волчицы, Шерхан определил, что она прощает королю обиду. Голос волка обрёл созвучие, уверенность. По радостным завываниям волчат можно было понять, что всем понравился мир, который с прощением королевы короля приходил в их семью. Примирительный вой волчицы, переставшей злиться на своего короля, означал, что она с детёнышами слышит его, ощущает их близость. Королевская чета скоро со своими принцами, принцессами соберётся на королевский совет и там решит назревшие вопросы своего королевства.

Король, довольный голосом королевы, завыл так восторженно, что всем жителям леса стало ясно, как горячо он любит свою напарницу.

Тут же с северной окраины леса подняли радостный вой молодые волки, дозором обходящие границы своей территории. Спустя мгновения из глубины рощи к родителям, старшим братьям один за другим присоединились несколько подростковых голосов. За ними отозвались волчата-сосунки. Волчата не выли – этому родители их ещё не научили – то ли скулили, то ли смеялись. То и другое происходило одновременно. Они, пискляво срывая связки, одновременно тявкали, скулили, визжали. По тому, как раздаются голоса сосунков – разных высот, тембра, настроения, – создавалось впечатление, что это о себе дают знать вовсе не детёныши волчьего племени, а какие-то чужеродные существа, которые никогда не научатся выть по-волчьи.

Когда умолкли волчата, в густые сумерки, ломая тишину, вновь врезался сильный, магический тон королевы волчьей стаи. По зычному вою, тембру, дикой неповторимой музыке,

тревожно отражающейся в нём, можно было догадаться, что она встретилась с королём и очень довольна восторжествовавшему миру в их семье.

* * *

Когда сделал это открытие, казалось, Шерхан был поражён пронизательностью своего ума, пониманием психологии внутрисемейных отношений волков. Слушая эту гамму диких, мелодичных, имеющих своё предназначение голосов, он растворялся в своём сознании. Ему не верилось, что между членами волчьей стаи могут сложиться такие тонкие, трепетные чувства, намного тоньше, чем в семьях людей.

Приставил руку к уху и сосредоточился, пытаясь оказаться на волне завываний волчьей семьи. Он очень хотел к ним присоединиться. Своим меняющимся сознанием, своим завыванием слиться с голосами королевской семьи. Ему мешало то биение скачущего в груди сердца, то собственное прерывистое дыхание, то неугомонный шум ветра над козырьком скалы.

Шерхан застыл, приоткрыв рот, пытаясь приобщиться к голосам волчьей семьи. Он оцепенел, забыв о своём существовании и своей извечной боязливости перед волками. Вдруг из его гортани вырвался такой зычный голос, что на минутку, застигнутые врасплох, волки замолкли. Оторвавшись от своего сознания, от самого себя, ничего не слыша вокруг, неожиданно погрузился в магию таких волшебных звуков волчьего семейного оркестра, а доминантный волк, ревнуя к сопернику, завыл так мощно, что всё живое вокруг замерло в оцепенении. К требовательному зову вожака присоединилась и вся семья. Шерхан не помнил, как подхватил нужный тембр, высоту голоса, как встал на четвереньки, подвывая волчьей стае, втягиваясь в их семейный хор, стараясь перекрыть доминантного волка.

В этом перевёрнутом состоянии души из глубин сердца он получал такую огромную информацию от волков, что понимал весь волчий язык. Подсознательно, без особого труда разгадывал, о чём поёт волчья семья.

Главарь волчьей стаи сообщал о том, какой он сильный, отважный. Нет зверя, подобного ему, в этой округе. Он голосом предупреждал всех своих соперников, рисковавших быть растерзанными, чтобы немедленно покидали границы его территории. А королева Бике вначале отчитывала своего хозяина за невнимательность к ней, заносчивость, высокомерие, грубые манеры. Но потом её голос смягчался, становился тёплым. Она переходила на объяснение безграничной преданности и любви к нему, пела о своей семье, о родных степях, горах, лесах...

Песня волчьей королевы тугой волной неслась над дремучим лесом и горами. Где-то там, в глубине леса, в вышине тёмной ночи, на мгновение застыла, зацепившись за гриву мечущегося с юга на север каравана туч. Потом с большей уверенностью полетела, переливаясь с голосами наступающей ночи. Она, набирая высоту, стремилась в бескрайность бархатистого тёмно-синего неба. Неожиданно Бике остановилась на невысказанной высоте и душераздирающей ноте.

Как показалось Шерхану, королева осознанно оборвала песню любви, посвящённую своему королю, своей семье, не допев до конца, когда вмешался чужак. Вместе с недопетой песней в небытие могли уйти воспоминания о прошлом его племени, подсознательная память Шерхана. Сколько ни просил небеса, чтобы вернулись утерянные воспоминания, подсознательная память, сколько ни обращался с мольбами к духам волчьего племени, они не внимали мольбам. Всё возвращалось в память с песней волков, с приобщившейся к ним его песней. Он осознавал: непримиримая вражда, не прекращающаяся тысячелетиями между его племенем и племенем волков, началась по вине его племени. Только теперь понимал, что в состоянии её приостановить.

В роще с замершими волчьими голосами, эхом отражающимися в горах, устанавливалась жуткая тишина. В предчувствии какой-то неминуемой природной катастрофы, явлений прошлого умолкло всё: окружающий мир, звери, птицы, голоса наступающей ночи...

Шерхан думал, что давно перестал выть. Он трясся перед неминуемой бедой, но подсознательно давно не контролировал себя. С песней волчьего племени вошёл в такое шаманическое состояние, в котором его голос мог замолкнуть лишь с замирающими голосами волчьего племени. А он, отпрыск древнего племени волков, безостановочно продолжал петь.

* * *

У Шерхана вспыхнула мысль, если сейчас же он не возобновит песню и его не поддержит волчья семья, то наступит конец ему, природе, этим волкам – всему живому на Земле. Показалось, что он запел с новой силой. Тогда к нему присоединился голос доминирующего самца. Своего вожака поддержала и королева стаи. Неожиданно в подсознание Шерхана свежим потоком стали вливаться их голоса, сотрясая воздух. Они были такими древними, понятными ему, душераздирающими и такой величины, что сердце затрепетало. Королева выла таким могучим голосом, на такой длинной, драматической волне, что у Шерхана из груди вместе с волчьей песней стали вырываться обрывки человеческого плача. Плача раскаяния, плача умиротворения.

Шерхан неожиданно замолк, окаменев на четвереньках. У него перехватило дыхание, захлопнулись все клапаны, перекрывающие доступ воздуха в лёгкие. Будто ответный звериный рёв, адресованный одному ему, загипнотизировал его, отнимая у него голос, жизнь. Он не сопротивлялся этому лишению, лишь бы они вернули ему подсознательную память о прошлом его племени. Шерхан стал догадываться: король и королева волчьего царства своим пением способны преподнести ещё не такие сюрпризы. Он приложил ладошку к уху, застыл в ожидании возвращения к нему пения его предков.

Вдруг волчица с удвоенной энергией, вдохновением, силой и тембром в голосе возобновила свою прерванную песню. Её подхватил вожак, а потом один за другим все члены семьи. Эта переключка волчьей семьи переросла в большой волчий хоровой оркестр. В этом оркестре он, как невидимый дирижёр, стал тонко улавливать, различать все нюансы голосов взрослых и их детей, воспоминания своего племени.

Альфа-самец тянул особенным, густым басом, с ударными тонами «о-о-о», утверждая, кто в стае его вожак. А королева, подпевая королю, тянула голос мелодичнее, нежнее, протяжнее. Она выла баритоном «у-у-у», подчёркивая, что она его единственная, преданная королева. Переярки, родившиеся весной прошлого года, выли неумело, брали высоко. Их лёгким не хватало воздуха, а голосам – мощи, выдержки. Вот из-за чего они неумело срывались с тембра. Начинали кашлять, чихать, в отчаянии устраивать нервные перебранки между собой.

Каждый волчонок, перекрикивая своего собрата, пытался показать среди сверстников и сверстниц силу и смелость, продемонстрировать, что именно он или она являются будущим королём или королевой волчьего племени. Вначале сложно было разбираться в голосах детёнышей. Они выли, друг с другом обиженно переругивались, плакали, восторгались своим щенячьим пением. Шерхан продолжал думать: «Пусть они что угодно делают, только не перестают петь».

В этом волчьем представлении щенки одновременно кричали, надсмехались, рыдали над комичными ролями, выделенными королевской четой им, их братьям, сестрам. Все вместе эти требовательные, любвеобильные, угрожающие, вызывающие, громкие, низкие, твякующие, пищание голоса зачаровывали Шерхана до глубины души. Они врывались в его подсознательную память как нечто беспредельное, дикое, архаичное. Как некое сокровенное таинство природы, до сих пор сокрытое от него, нераспознанное, неразгаданное, потому жутковатое... Он вместе с волками выл, плакал, бранился. Становился частью своего древнего племени и племени волков, их сознания, вечности и несокрушимости волчьего мира. Под звуки воя, согре-

ваемый тёплой подстилкой, он засыпал, переносясь в другой, более понятный, чем человеческий, мир волчьего племени, где нет интриг, предательства.

Над головой Шерхана совсем низко стали сгущаться перисто-кучевые облака. Вверху, под самым небесным куполом, грозными пластами укладывались высококучевые облака. Он представлял, как в облаках меняется свечение, температура. Не увидел, а почувствовал сердцем, как в небе эллипсом разрываются перисто-кучевые облака, образуя невероятную воронку, закручивающуюся и всасывающую в себя облака. В воронке засверкали миллионы хрустальных кристалликов, с которых закапали радужные капли. Загрохотали небеса, вспыхнула молния. Неожиданно с неба на горы нахлынул ливень такой густой лавиной, что всё кругом смешалось в одно воющее, грохочущее, сверкающее, заливающее водой.

Ярость: противостояние

Рассказ

В школьные годы мне с друзьями под Урцми-дагом, на альпийском лугу, пришлось стать очевидцем кровавого побоища двух волков с огромным племенным быком, которого звали Геркулесом. Это место находилось в четырёх-пяти километрах севернее от молочно-товарной фермы селения Кужник, на территории Кайтагского района. В те годы в начале мая мы с товарищами туда не раз отправлялись за черемшой. Левая сторона луга проходила над глубоким ущельем, где на его краю непримиримые враги затеяли битву. Внизу, в самой бездне, ворочал свои воды Кайтаг-чай, левый приток реки Рубас.

Столкновение врагов шло не на жизнь, а на смерть. Огромный племенной бык обливался кровью. У него из разорванных сосудов на шее, боках, задних ногах тонкими струями билась кровь. Доминантный волк не мог ступить на перебитую ударом копыта левую заднюю ногу. А у доминантной волчицы ударом полуметрового рога, видимо, была проткнута грудь. Морды волков до шеи были в крови, то ли в своей, то ли в крови врага.

Мы, глупые юнцы, одно время, не удержавшись, в волков стали кидаться камешками, не понимая, какую угрозу нам они могли нести. Волки так яростно были увлечены схваткой с племенным быком, что нас даже не замечали.

Бык в силе и ловкости не уступал волкам, которые в своей ярости, в жажде победы не проигрывали противнику. Одно время как-то изловчились – напали на быка с тыла, отгрызли ему сухожилия задних ног. Бык сильно захромал, его ноги, шея, бока источали кровь, судорога шла по всему телу. Он потерял стремительность, реакцию. Глаза, кажется, покрывались предсмертной пеленой. Но гордый царь копытных не собирался сдаваться врагу. Одно время Геркулес, непобедимый гладиатор, чувствуя, что ноги больше не удерживают, с волками на спине сделал рывок на гребень. С боевым кличем «му-у-у», который напоследок огласил всё его царство, сбросился в бездну.

С тех пор не раз собирался писать о незабываемой кровавой бойне гигантов. Но, как хотелось, не получалось. Откладывал на годы.

Чувствовал, мне надо было изобразить не место, бой, а в самых ярких красках описать процесс, драматизм сражения. Жажду крови, противостояние непобедимых гигантов. Не понимал тогда, почему у меня не идёт рассказ. В то время был юным, многое не осознавал. Понимание того боя ко мне пришло с годами. С первой минуты схватки тогда стало ясно, что бой гигантов просто так, банальным столкновением, не прервётся. Обе стороны, как на гладиаторской арене, жаждали крови, смерти одного из противников. Ни волки, ни бык живыми не собирались сдаваться. Исход боя должен быть один – смерть противника. Гордый бык, предводитель стада коров, от волчьей пары не собирался признавать поражение. Он предпочёл гордую смерть царя всех копытных позорному преклонению головы у ног ликующих врагов.

Кажется, на этот раз мне удалось изобразить то, к чему стремился, над чем размышлял бессонными ночами. Похоже, в мельчайших деталях получилось отобразить всю палитру драматизма того боя – жажду крови, противостояние непримиримых извечных врагов. Наконец, кажется, сумел передать весь ужас, охвативший волков в последнее мгновение броска Геркулеса с ними на спине в вечность. Тот запах крови, бьющейся струями из шеи, боков быка, стекающей с мордочек, груди волков. Изложение получилось, правда, в несколько иной, художественной, форме.

* * *

Двуногий зверь напал на логово кормящей волчицы. Он из логова выкрал всех её волчат. Разъярённая волчица теперь шла по его следам. Настигнет – убьёт. Вызволит из плена своих детёнышей. Или в яростной схватке с ним сама умрёт.

Волчица Бике осенней лунной ночью очутилась за забором давно известного ей дома врага. Со двора несло спиртным. Во дворе валялись опустевшие бутылки, огрызки шашлыков, куски хлеба, обгорелые кости. От них несло неприятным запахом, от которого у неё закружилась голова. Ёе враг вчера с друзьями целый день обмывал свою удачную вылазку на волчье логово. Шутка ли, в хозяйственном блоке под замком скулят пятеро чёрных волчат чёрной волчицы, которых ему заказал городской цирк. За них заядлому охотнику обещали пять тысяч «зеленью».

Он, довольный удачной охотой, напился до чёртиков. Теперь у себя в гостинной, под столом, спал мертвецким сном. Семья – жена с сыном, уставшие от бесконечных пьяных застолий хозяина, его брани, – ушла на кошары, расположенные в Прикаспийской низменности. Они решили оттуда не возвращаться до весны.

Волчица Бике обошла дом врага большими кругами. Села за околицей, в конце переулка, где находился дом врага, ничего опасного и ничего привлекающего её внимания пока не заметила. Двери, ставни окон на первом этаже, перед уходом были предусмотрительно закрыты хозяйкой – ни щели, ни прохода. Волчица перескочила плетёную ограду огорода, прошлась к скотному двору. Хлев, овчарня предусмотрительно были укреплены со всех сторон хозяевами. После её последнего удачного визита к ним двери коровника, овчарни обили стальными листами, на окошках появились металлические решётки. Плоская крыша, укутанная глиной, которую удобно копать лапами, чтобы пролезть через тонкие жерди, уже перекрыта жестяной кровлей.

За домом врага стоял колхозный загон для скота. Врагом был бригадир животноводческой фермы. Иногда для забоя он перегонял с гор бычков, овец и отправлял в тот загон, заброшенный с зимы и не привлекавший её внимания. Ветер дул именно с той стороны. Волчица задрожала от нетерпения. В её сторону неслась струя воздуха, обильно пахнущая мочой, другими приятными выделениями овец, коз и крупного рогатого скота. У Бике закружилась голова. Она давно не пробовала парного мяса домашнего скота, не пила живую кровь. У неё заурчало в животе, пасть заполнилась обильно выделяемой слюной. Низко припав к земле мордой и нетерпеливо втягивая через ноздри чувствительного носа заманчивые запахи, несущиеся из загона, она была недовольна собой. Как без внимания могла оставить такой важный объект?!

Что делать? Напасть с ходу или поразведать? Нет, она как неопытная весенняя ярочка на загон скота не нападёт: его могли сторожить, возможно, даже с собаками. Встала, переминаясь с ноги на ногу, огляделась и пошла задом к загону скота. За кустами застыла прислушиваясь. Вокруг загона было тихо, и собак, к удивлению, не учуяла. Такая оплошность двуногого зверя её ещё сильнее насторожила. Значит, сюрприза надо дожидаться изнутри. Там мог засесть сторож с ружьём. Изучая окрестности загона, пришлось укрыться за кучей навоза. Волчица поползла по сторовшей траве перед загонем, предусмотрительно подождённой кем-то вчера. Она слилась с чёрным нагаром, оставшимся на поверхности обгорелой травы.

Загон, довольно вместительный, с широкими скрипучими воротами, через которые почти всё просматривалось, посредине был перегорожен досками. На одной половине находились бычки мясной породы, на другой – мелкий рогатый скот. Скот был пригнан с гор на убой в праздник Ураза-байрам. Завтра из районного центра за скотиной приедут грузовые автомобили. За отсутствием более приемлемого помещения по решению руководства сельхозпред-

приятия до утра скот решили оставить здесь. Бригадир обещал поручить сторожить загон. А сам напился и забыл про бесхозный скот.

Перед праздничной суетой руководство сельхозпредприятия забегало, позабыло проконтролировать любителя застолий.

Чёрная разбойница вокруг загона сделала ещё пару кругов, сужая их. Она убедилась: скотина была оставлена людьми на произвол судьбы.

* * *

Бычки с овцами давно учуяли волчицу, крадущуюся в загон. Одни тревожно замычали, другие заблеяли, в ужасе забиваясь кучками по углам. Бычки шумно дышали, нервно крутили ушами в разные стороны. Они стали образовывать полукруг, беспокойно посматривая на ворота загона. А овцы, испуганно поблёскивая в темноте фосфорическими глазами, беспорядочно с грохотом неслись по загону.

Волчица всё ещё не решалась пробраться внутрь. В последнее время больше всего доставалось от двуногих зверей и вездесущих собак именно из-за её поспешности. Поэтому она была так осмотрительна. Но кое-какие обстоятельства подталкивали на безрассудный риск. Через щели в воротах, разбитые окна загона дух скотины шёл таким мощным потоком, а скотина так страшно была напугана её присутствием, что она потеряла осторожность. Не удержалась от соблазна. На пружинистых ногах легко подбросила своё поджарое тело на подоконник сарая. Там удержалась на мгновение, потом через разбитое окно спрыгнула в помещение. И удачно оказалась на половине овец.

Овцы рассыпались веером, забегали по загону, прыгая на стены. Бычки, наоборот, в момент опасности сгруппировались, повели себя более организованно. Они, пригнув тяжёлые рогатые головы к земле, образовали полукруг, делая угрожающие движения. Одни из бычков стали передними копытами злобно загребать под себя сгнившую подстилку. Вращая ушами, враждебно задышали носами. У некоторых наружу из раздувающихся ноздрей струями вылетал горячий пар с каплями взбесившейся крови. Они на мгновение застыли, злобно переглядывались с волчицей, наклонив головы, выставив вперёд смертоносные рога.

Лунный свет, падающий в загон изо всех окошек, хорошо освещал помещение и мечущихся на своих половинах бычков, овец.

Волчица не решалась напасть – проход на половину овец был перегороден бычками, стоявшими полукругом. К овцам просто так не проберёшься. Она решила схитрить, усыпить бдительность воинственно настроивающихся против неё бычков. Вместо того чтобы напасть, внести сумятицу в их ряды, вдруг повела себя странно, не по-волчьи. Мирнолюбиво легла на пол, стала кататься то на боку, то на спине. В несвойственной для волка манере вставала на лапы. Перед изумлённой публикой делала стойку на задних лапах, смешно подпрыгивала и снова распластывалась серым мешком. Переворачивалась с боку на бок, падала на спину, мирно подогнув лапы и жмуря глаза. Создавалось впечатление, что происходившее было ей безразлично. Если случайно оказалась в загоне, то только чтобы развеселить эти милые лобастые рогатые мордашки. Волчица всем своим видом показывала миролюбивость и дружелюбие. Она не жаждет их крови. Наоборот, грудью защитит своих друзей от любого другого кровавого хищника.

Бычки тоже повели себя совершенно странно. Не стремились вместе напасть, раздавить, растоптать волчицу. Образуя вереницу и выставив вперёд рога, они шумно дышали носами, втягивая в себя воздух, перемешанный с запахами странного существа, заворожённо уставившись на Бике, неуверенно держа зыбкий полукруг. Волчица словно загипнотизировала бычков, лишив их воли к нападению, способности предпринять что-то против неё. Как назвать

это поведение: массовым гипнозом, устроенным волчицей; поголовным страхом, приведшим к оцепенению, состоянию неподвижности? Наверное, можно было назвать по-всякому.

Молодняк, нерешительно смыкающий зыбкий полукруг, не успел даже испугаться, как в мгновение ока волчица метнулась в середину, разогнав его. Неожиданным прыжком и мёртвой хваткой впилась в шею одного молодого бычка, возглавляющего противостояние группы. Бычок от неожиданности и боли страшно заревел, стал подпрыгивать, лягаться задними ногами с волчицей на шее. Он с выпученными от ужаса глазами понёсся по загону, мотая рогатой головой, стараясь высвободиться из острых и цепких клыков смерти.

Другие бычки, шумно дыша, всё ещё стояли в оцепенении. Они не покидали полукруг, словно боялись разомкнуть зыбкую цепь. Одни стояли, пригнув головы к полу, выставив рога навстречу волчице, другие топали копытами, рыли подстилку, ревели. Но никто не осмеливался сдвинуться с места.

Бике, видимо, хорошо знала своё дело и поведение бычков, когда они поголовно испытывали смертельный страх. Раз их не возглавлял вожак стаи, они не отважились её атаковать. Поэтому волчица так беспечно относилась к частоколу угрожающе направленных на неё рогов.

* * *

И тут откуда ни возьмись в середину круга выбежал огромный племенной бык. Геркулес – вожак коровьего стада. Он с ходу, без объявления всяких боевых правил, напал на волчицу. Поддел полуметровыми рогами, подбросил высоко, под самую крышу. Волчица упала, больно ударившись о края кормушки. Испуганно взвизгнула, но успела увернуться от очередного удара рогами. Вскочила, готовясь к отражению новой атаки неожиданно объявившегося грозного противника. Волчица недоумевала, откуда вдруг взялось это чудище. А племенной бык бросился в очередную атаку. Промаршировался. Гремя по полу копытами, угрожая врагу стальным лбом и острыми, как сабли, рогами, развернулся обратно. Заревел, так что зазвенели стекла, оставшиеся в оконных глазницах. Низко и грозно нагибая голову, с рёвом отбрасывая передним левым копытом подстилку, готовился к очередной атаке. Вдруг вихрем, дыша со свистом, гремя копытами, устремился на врага. В сантиметре от рогов Геркулеса волчица увернулась.

* * *

Неожиданным появлением племенного быка на арене была озадачена не одна волчица Бике. Перед яростью грозы всех местных быков, жеребцов цепенели и все бычки в загоне. Геркулес с кольцом в ноздре, привязанный цепью к стойлу, со своего места следил за всеми манёврами волчицы. Следил с самого начала её хитроумных игр. Он был привязан в стойле в самом конце загона, где находились овцы. Завтра в райцентре собирались Геркулеса тоже сдать на убой.

В последнее время он своей необузданностью доставлял немало хлопот не только быкам, жеребцам, но и скотникам. Никому не давал жизни: в стаде коров бил и убивал всех потенциальных соперников. А когда из собратьев не с кем стало состязаться, стал уходить на гладиаторские бои с быками в другие населённые пункты. Бывало, что нападал на жеребцов, буйволов, даже на сельских мужиков...

Когда Геркулес на другой половине загона услышал жалобное мычание несчастного бычка, кровь закипела в его жилах. Он понял: грозный враг, чувствуя безнаказанность, в загоне может задушить всех копытных. И, ни секунды не мешкая, дёрнул головой, вырывая ноздрю из кольца, привязанного к цепи. С ходу ринулся в бой. Он жёрновом прокатился мимо жалобно блеющих овец и за какие-то доли секунд оказался лбом ко лбу с грозной разбойни-

цей. Поддел её рогами, подбросил, закрутил, завертел под самой крышей, а потом ударом задней ноги далеко отшвырнул от себя. В следующее мгновение обрушился на врага всей мощью своего тела, пытаясь проткнуть рогами, тяжёлым лбом втоптать в навозную жижу. Но волчице в последнее мгновение удалось увернуться от грозной атаки Геркулеса. Отскочила, присела, оскалив клыки, примериваясь к ответному прыжку на вожака стада.

Племенной бык – красивый, сильный гладиатор восьми лет – среди быков этой округи не знал себе равных. Он вырос на воле, не знал ни ярма, ни хомута. В сельхозпредприятии, сколько ни пытались, не нашлось храбреца, способного обуздать, выхолостить, запрячь его в ярмо. Поэтому вынужденно оставили племенным быком. Всё стадо находилось беспрекословном подчинении у Геркулеса. А многие скотники, не раз поднятые им на рога, враждебно обходили его стороной.

Многие мужчины села, кто хоть раз столкнулся с племенным быком сельхозпредприятия, относились к нему враждебно. А женщины, дети боялись больше смерти. В это трудное время реформирования сельского хозяйства в районе, когда за долги колхозная техника была распродана с молотка, многие сельхозпроизводители вынуждены были пахать землю плугами, запряжёнными волами. А племенной бык праздно гулял по соседним селам, забывая местных быков до смерти, нагоняя страх на их стада и сея сумятицу. Он то и дело рвал осеннюю влажную прохладу громким воинствующим рёвом, упиваясь своей мощью и безнаказанностью.

Кто из местных руководителей мог предположить, что племенной бык, которого завтра собирались сдавать в скотобойню, отстаивая соплеменников, сегодня в смертельной схватке сойдётся с грозной волчицей?!

Когда на арену схватки выскочил Геркулес, все стали немymi свидетелями страшного кровавого побоища двух гигантов. Они ощутили, как у главы стаи от бешеной злобы внутри закипела кровь, как дрожь зигзагообразной молнией понеслась по его спине и бокам. Геркулес заревел так, что задрожал загон. Пренебрегая смертью, направил на волчицу всю мощь своего огромного тела, всю ярость своей необузданной крови. Под натиском быка волчица отступала, получая удары могучими рогами. Она, поддетая рогами, не раз с визгом взлетала над его могучей головой, со стоном падала в навозную жижу.

В ответ волчица, клячая клыками, яростно набрасывалась на огромного быка. Тупые лбы бычков, в оцепенении стоящих в зигзагообразной линии, не успевали улавливать мощные атаки двух гигантов. Их завораживали, гипнотизировали молниеносные защитные движения волчицы, предугадывающие каждый смертоносный удар рогов быка.

Казалось, в какое-то мгновение противники сплелись в какой-то страшный, ревущий, огнедышащий клубок. Волчица дралась как пантера, держащаяся не на четырёх лапах, а на каких-то гибких и прыгучих пружинах. А Геркулес набрасывался на неё как заведённый робот-монстр. Рога и копыта, клыки и резцы в этом клубке ярости и крови будто бы сами произвольно функционировали в смертельной схватке, непрерывно атакуя, отражая штурмы.

Двух овечек, попавших под ноги, бык затоптал. Трём овечкам волчица порезала сонные артерии своими резцами. Гладиаторский бой шёл с перевесом то в одну, то в другую сторону. Бык истекал кровью, у волчицы были сломаны несколько рёбер, рогом проткнута грудь.

В какой-то момент у боевого быка от потери крови затуманились глаза, он зашатался. Волчица тоже еле держалась на ногах. Сломанные рёбра груди смертоносными копьями всё дальше и дальше впивались в её лёгкие, печень. Она не могла больше дышать через горло. Дыхательные органы были забиты сгустившейся кровью. Воздух в лёгкие со свистом проникал через пробитую рогом быка грудь, которая сжималась с каждым скачком, больше не сопротивлялась, отражая удары противника, приносила невыносимую боль и страдания. Голова плохо соображала, глаза, которые смутно различали врага, сверкали лихорадочным фосфорическим блеском. Бике искала удобного момента, чтобы увернуться от рогов быка, вскочить на то же самое окно, через которое проникла в загон, и выпрыгнуть наружу. Улучив момент, она рину-

лась к оконному проёму, но, не долетев до него и ударившись головой об стену, упала обратно, под ноги быка...

К тому времени, когда из села подоспела людская помощь, в загоне всё было почти завершено. Неуловимая разбойница в агонии лежала возле поверженного ею огромного быка. Геркулес лежал на полу, обливаясь кровью. Его могучая шея, откуда струями пульсировала кровь, не могла удерживать огромную рогатую голову. Кровавые глаза затягивались предсмертной пеленой. Он засыпал, видя себя победителем, вожакom во главе огромного коровьего стада на лугу. Геркулес был удовлетворён, горд расплатой со своим извечным врагом, побитым и умирающим рядом с ним. Эта гордость была выше всей жизни, превыше смерти, священнее любого бесчестного существования...

Сергей Сорока

Сергей Сорока – аббревиатура вместо псевдонима.

Сергей + Ольга = роман, в результате появился Олег. СОРОК – так подписывался семь лет. С рождением сына Анатолия и возникла аббревиатура СОРОКА.

Закончил семь классов Боровиковской неполной средней школы на Алтае, поступил в Барнаульское педагогическое училище, закончил в г. Сталинске (Новокузнецке) в 1958 году. В 1963 году закончил Сасовское лётное училище гражданской воздушного флота (ГВФ), в 1969 году – школу высшей лётной подготовки по классу командиров кораблей Ли-2.

Первый опыт написания стихов состоялся в трёхлетнем возрасте. Читать учился по «Евгению Онегину».

В 1993 году был журналистом телеканала «Спектр», создал программу «Пушкин и Поэт...». В 1995 году вышла книга «Вся жизнь – подвиг» из тридцати пяти очерков о ветеранах Барнаульского ОАО, ставшая основой для одиннадцати видеофильмов. Победил в краевом конкурсе.

В 1995 году создал фонд «Пушкин и Поэт...» с целью сбора средств на строительство памятника А. С. Пушкину. Открытие состоялось 6 июня 1999 года – в день 200-летия великого

поэта. В 2018 году вышла шестидесятая книга «Утро, тишина» на 270-летие родной деревни Боровиково. В 2003 году за книгу «Роман стихотворный» удостоен премии А. Турецкого.

*«Двести двадцать лет» – это триста тридцать строф любви,
мудрости и тоски по самому дорогом – Родине, детству, семье.*

Двести двадцать лет

Двести двадцать чистых лет Поэту.
Памятнику двадцать лет уже.
Крепче позы не найдёшь по свету.
На крутом он словно вираже.

Памятник родился за полгода
напряжённого день-ночь труда.
Вот и долгожданная свобода,
вспыхнула сверхновая звезда.

Скульптор слов на ветер не бросает,
что пообещал, исполнил в срок.
Календарь Поэта жизнь листает,
преподносит двадцать лет урок.

Как любимым быть два века с лишним,
радовать присутствием своим.
Праздником на день рожденья пышным,
что помпезностью необозрим.

Декламируют стихи Поэта чести
и читают, собственно, свои,
и поются той эпохи песни,
и танцуют па-де-де любви.

Исполняет прихоть прежней власти,
веселит толпу иных зевак.
А Поэт и в бронзе звонкой счастлив.
И работает на город так,

Что потрогать хочется народу,
прикоснуться с нежностью рукой,
ощутить поэтову свободу
и, прочувствовав, узреть покой.

Меж прошлым и будущим
Наш город бездарно изменчив,
он словно длиннющий овал.
Здесь жил Ползунов.

Юдалевич

поэму о том написал.
Легенду озвучил о даме,
её обозвал голубой.
Была замурована хамом
и стала

любовной стеной
меж прошлым и будущим власти,
расстрелянной в странной борьбе.

Исчезли достойные касты,
о чём заиграл
на трубе
трубач на зелёной коняге,
он всех в революцию звал
и новые вывесил флаги,
длиннее создал он овал.
Усилил репрессии,
с ходу
аресты пошли чередой.
И страшно в коммуне народу,
гулял безраздельно разбой.
И «Дунькину рощу» срубили.
Ограбили, падлы, купцов.
Мечту беспокойством
сгубили.

Поставили горе-отцов
над городом – править не могут.
Их лица в газетах двоят.
И слышится горести гогот,
сползает зипун,
что до пят.

Нечист

«Семнадцать мгновений» обгадил —
в гробу повернулся артист.
Зачем и чего это ради
воруешь известность.

Нечист

приём безответственно-подлый —
подкладывать; киношедевр
опошлен безнравственной кодлой.
Не выдержал пошлостей
нерв,

покинул я сборище это,
участвовать в нём не хочу.
Чиновники рвутся в поэты.
Над вами, «друзья»,
хохочу.

Вы наглые все без предела,
вам бес по нахальности брат.
Толпа, возмущаясь, галдела:
«То чистой воды
плагиат!»

Твердеет река

Не всё ещё в жизни потеряно.
Неяркие светят цвета.
Что опытом прошлым проверено,
за новой чертою черта.

И так пустота чередуется
со звонами странной мечты,
где буря без грусти беснуется
в раздольях земной пустоты.

И снова пространство печалится.
Плывут надо мной облака,
и снежная изморозь валится.
Твердеет в морозы река.

Пускай без конца повторяется,
меняя забывчивость лет.
А если всё это не нравится,
зачем забавлять белый свет?

Рассказом о дикой безвкусице
в суровом, но тихом краю,
где кружатся странные кустики.

В сибирском живём мы раю.

Было так

Прислушаются ветры к буре
и пойдут ходить волной.
Было так в литературе,
что не занята войной
междометий, формул чести
под прикрытием молвы.
И разносят строки вести
в состоянии мольбы.
Грусть на паперти свободы
отражением блестит.
Улетают птицы-годы.
Всё о чём-то говорит.
Прочитать бы с интересом
под бессмысленный вираж,
что в дыхании воскресло
и вошло спокойно в раж
оголтелого вниманья,
пониманья торжества.
Слов заметно вымиранье,
то процесс не естества,
а нахального стремленья
всё представить как успех.
Несуразное явленье —
сонм замызганных утех —
принимается за славу
гениальности своей.
Расцвели опять купавы,
песни шпарит соловей.
Мы заслушались, и вскоре
стала ты в момент моей
с яркой нежностью во взоре.
Удивился соловей.

Под завесой

Где печаль, там солнце светит.
Там, где грусть, луна блестит.
Звёзды скукою отметин
появляются... Шумит

всё пространство в ожерельях
под завесой снежных бурь.
А труба выводит трели,
словно бы из дыма дурь

выжимает в одночасье,
и становится тепло.
Непонятки в поле мчатся.
Давит ветер на стекло.

Отражением сверкает
недоразвитость пурги.
Кто, не знаю, нас карает?
Но расходятся круги,

по которым через складки
местности идём в тайгу,
где все взятки вроде гладки,
потому и берегу

состояние полёта
странной мысли на ветру.
Настаёт в судьбе забота,
лишь о том и говорю.

По ранжиру

Совершаем часто мы ошибки,
оттого и нет прощенья нам.
Ничего не знаю я о Шипке.
Не ходил в походы по хребтам.

И спасти народы не хотелось.
Он генералиссимус страны.
Где неяркое во всём вертелось
из далёкой древней старины.

Становились строго по ранжиру
на гоп-стопе под мостом, внутри:
«Быть бы живу, – вспомнил, – не до жиру!»
На беспамятстве идей зари,

не взошедшей в сером небосклоне
судеб, искалеченных войной.
Оказавшихся опять в полоне,
а безвинность их была виной.

Проходил сквозь стены на форсаже
без поправок на беспечность зла.
Кто-то первым бросит камень, скажет:
«Полагается за все дела».

Вы не с тем вступили, люди, в драку,
а в гоп-стопе правила не те.
Напуская в отношеньях мраку,
но отметин нет на злой версте.

И сбивается с пути гоп-стопник.
Не по правилам живёт страны.
От напряжения непременно лопнет
под присмотром диким Сатаны.

Перегрелся ствол

Разбирать винтовку «Мосин»
пусть научит командир.
На меня он что-то косит.
От ногтей идёт задир.
Пули вылетают в пачках.
Перегрелся с ходу ствол.
Сизым дымом зори пачкал,
а затвор весь занял стол.
Отвертел я даже мушку
и пришил вмиг к доске.
Разбираю как игрушку,
весь в печали и тоске.
Слева вверх идёт направо,
вьётся ствол, весь нарезной.
Гнутся скошенные травы,
оголяет «мезозой».
С автоматом дело проще,
набиваю магазин
смертью и луплю по роце,
по проходим без корзин.
Становлюсь открытой целью
для карателей стихов.
И аукается селю
без обилия злых слов.
Поработал я с «максимом»:
саданул всю ленту враз.
Всё на телефон заснимем,
видео создав, рассказ.
Поигрался с пистолетом,
а «макаров» промолчал.
И с обеих рук дуплетом
бил по целям, без начал
вышел я с «сорокапяткой»,
разбирая злой «калаш»
я одною левой пяткой,
удовлетворивши блажь,
саданул из «града», смазав.
От ответки в сонм стихов
я ушёл от всей заразы
без обмана и без слов
разобрать все «Авангарды»
на сверхзвуке у плетня
за бессмысленность награды,
что обходит вновь меня.
И запишут в патриоты:

научился же стрелять,
попадаю прямо в соты,
защитить смогу я Мать —
Русь-Россию да с Сибирью.
А китайцам шиш, не пядь.
Понастроим снова тиры,
регулярно чтоб стрелять.

Фонари блестят

Чувствую всю грусть я предков.
Натворили что мы со страной?!
Встретишь совесть редко.
С честью истинно свиной
обстоят дела не хуже,
даже лучше иногда.
Винегрет дают на ужин.
Удивляется звезда
под карнизом, на окошке.
Фонари блестят кругом.
Семеро сегодня с ложкой,
лишь один я с батогом.
В беспределе снегопада
светит голая луна.
Нет у меня айпада,
но не знаю, чья вина.
Помню огонёк лампы —
образ детских грёз моих.
Вдруг из ветреной засады
появился этот стих.

В овертайме

Нахожусь я в овертайме,
где так множество имён.
Вскрыты нынешние тайны
под безумие знамён,
что полощутся в просторе
за фонарной чередой,
отражаются во взоре
нерастроченной весной.

Жизнь идёт не без дилеммы.
Не об этом речь давно.
Устраняемы проблемы,
как бездарное кино.
То порвётся лента или
на бобине жёлтый крест.
Для чего-то лук растили,
словно бы колхозный трест.

Поставляли мы капусту
на салаты в Новый год.
Все они в степи несутся,
словно кони, а народ
удивляется успехам
в несуразности времён.
Вновь шагаем по огрехам,
и считаем мы ворон.

И объявлен «победитель» —
назначенец на подскок.
Так решает повелитель,
незапятнанный игрок.
Видно, жлобство обуяло,
от бестактности на шаг.
И само собой отпало.
Всем вам в руки красный флаг.

ПОМНИМ ГОЛОС

Ефиму Наумовичу Хайтману

Год как нету Хайтмана на свете...
...песни звонкие его звучат,
в них душа присутствует поэта.
Нам о многом песни говорят.

Помним честный голос в чудных песнях
и в стихах на темы злобных дней.
В них о совести поётся, чести.
И воспитывает стих детей,

чтоб любили Родину святую,
помнили поэта и творца.
Сказано пускай чрез запятую.
Прочитаю всё-таки с листа,

чтоб не ошибиться в тёплых знаках
и в акцентах гордых нежных слов.
Даже в жизненных порой закатах
видится заря его стихов,

нам оставленных, друзья, в наследство
истинным поэтом. Знаем мы.
Движемся тропинкой без кокетства,
в грусти слову Хайтмана верны.

А Ефим, конечно, нас всех слышит,
что мечтаем, что опять поём.
Стих его дыханьем чистым дышит,
видим памяти мы окоём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.